GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860

ARCHEOLOGY – АРХЕОЛОГИЯ – АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ 03.41.91

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-34-51

To the study of artistic metal of the Kimaks

L. Turganbayeva✉
Margulan Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan
✉*laila@safar.kz*

Abstract. When solving the problems of the cultural and creative process of the early Middle Ages, out of the field of view of researchers remained material on toreutics, originating from the burials of Kimaks – one of the Turkic-speaking tribes, which occupied a vast territory from Tobol and Irtysh to the Caspian and Syr Darya, but after three centuries disappeared. Accordingly, the chronological framework of the work covers a period that includes the time of the emergence of the Kimak Kaganate at the end of the IX century and its decline in the middle of the XI century under pressure from the Mongol tribes of Central Asia. The circumstances and conditions for the discovery of metal objects, their description, general assessment, interpretation, and reconstruction options are given in a number of publications by F.Kh. Arslanova, who studied medieval mounds in Pavlodar and Upper Irtysh (late 1950–1970s). Another valuable source was a monograph on the results of work in the flood zone of the Shulba hydroelectric station, carried out in the 1980–1983 expedition of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Ch. C. Valikhanov Academy of Sciences of the Kazakh SSR. However, in these works, no attempts were made to analyze the art historical nature. At the same time, a relatively large collection of things identified in Kimak burials, including jewelry of belt and blasting sets, jewelry for the head and hands, cult affiliation, requires a holistic consideration, systematization, and analysis of technologies, decor, and visual range. In this article, we tried, relying on the most striking items in the collection, to touch on these issues and show the values that the Kimak people have enriched humanity with. For this, a more accurate drawing of products has been undertaken, which allows you to identify sufficiently significant details. A typological analysis of the belt and jet headset was carried out with the selection of three types of buckles (brushless, with a movable and fixed shield), with the systematization of blades (overhead, end, suspended), and with the selection of original forms. Visual analysis of the forms and design techniques of the warrior's accessories showed that they were inherited from the early nomads. Such clear contours are characteristic of the traditional nomadic technique of application. The decor of the products also traces the features characteristic of the style of art of the early medieval era as a whole – convention and schematism, plane-relief drawing, axial and central symmetry. Analysis of ornamentation on samples made it possible to distinguish two main groups: linear-geometric and floral ornament. And here continuity is traced, and preference is given to three universal motifs (trefoil, palmette, heart), on the basis of which many variations have been created. Among the identified Kimak ear ornaments, five types have been identified. On this basis, the structural, decorative, and evolutionary features of nomadic earrings are considered, and the hypothesis of their genesis is presented. An attempt was made to use ethnographic reality data to interpret cult objects from female burials of the Upper Irtysh region. It was revealed that the costume of the Kimak woman-shaman symbolized a bird, the role of feathers, legs, and claws of which was played by metal pendants depicting zoomorphic and anthropomorphic figures.

Keywords: East Kazakhstan; the early Middle Ages; Kimaks; art metal; decorations; stylization; ornament

© Л. Турганбаева., 2026

For citation: Turganbayeva L. To the study of artistic metal of the Kimaks. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.156, no.3, pp.34-51. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-34-51

Funding. The article was prepared within the framework of the research project "Toreutics of the Karluks: artistic traditions and technologies" funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN of the project: AP19678689)

Қимақтардың көркем металын зерттеу бағытында

Л. Тұрғанбаева

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Ерте орта ғасырлардағы мәдени-шығармашылық үдеріс мәселелерін қозғаған кезде зерттеушілер Тобыл мен Ертістен Каспий мен Сырдарияға дейінгі ұлан-ғайыр аумақты алып жатқан, бірақ үш ғасырдан кейін жойылып кеткен түркі тілдес тайпалардың бірі қимақтардың жерлеулерінен бастау алған төревтикаға қатысты материалдарды назардан тыс қалдырды. Осыған сәйкес, еңбектің хронологиялық шеңбері Қимақ қағанатының IX ғасырдың аяғында пайда болуы мен XI ғасырдың ортасында Орта Азиядағы моңғол тайпаларының қысымымен құлдырау кезеңін қамтитын кезеңді алып жатыр. Металл заттардың табылу жағдайлары мен шарттары, оларды сипаттау, жалпы бағалау, түсіндіру және қайта құру нұсқалары Павлодар және Жоғарғы Ертіс өңірлеріндегі ортағасырлық обаларды зерттеген Ф.Х. Арсланованың бірқатар еңбектерінде жарияланған (1950–1970 жж.). Тағы бір құнды дерек 1980–1983 жылдары Шүлбі су электр станциясының су басу аймағындағы жұмыс нәтижелері туралы Ш. Уәлиханов атындағы Қазақ КСР ҒА Тарих, археология және этнография институты шығарған монография болып табылады. Алайда бұл еңбектер көркемдік-тарихи талдау жасауға талпынған жоқ. Сонымен қатар, қимақ қорымдарынан табылған бұйымдардың салыстырмалы түрде үлкен жиынтығы, оның ішінде белдік пен әбзелдік әшекейлер, бас және қол әшекейлері, табыну керек-жарақтарының технологияларын, әшекейлеу, бейнелеу элементтерін жан-жақты зерттеуді, жүйелеуді және талдауды қажет етеді. Бұл мақалада біз коллекцияның неғұрлым жарқын заттарына сүйене отырып, осы мәселелерге тоқталып, қимақ халқының адамзатты байытқан құндылықтарын көрсетуге тырыстық. Осы мақсатта айтарлықтай маңызды бөлшектерді анықтауға мүмкіндік беретін бұйымдардың дәлірек сызбасы жасалды. Белдік және әбзел гарнитурасында үш типті тоғаларды (қалқансыз, қозғалмалы және қозғалмайтын қалқаншалы) бөле отырып, бірегей нысандарды іріктеп, айылбастар (жапсырма, шеткі, аспалы) жүйелендіріліп, типологиялық талдау жүргізілді. Жауынгердің аксессуарларын безендірудің формалары мен тәсілдерін визуалды талдау олардың ерте көшпенділерден мұра болып қалғанын көрсетті. Мұндай айқын контурлар аппликацияның дәстүрлі көшпелі техникасына тән. Бұйымдар декорында сондай-ақ тұтастай алғанда ерте орта ғасыр өнерінің стиліне тән ерекшеліктер – шартты және схемалық, жазықтық-бедерлі сурет, осьтік және орталық симметрия байқалады. Үлгілердегі ою-өрнектерді талдау екі негізгі топты бөліп көрсетуге мүмкіндік берді: сызықтық-геометриялық және өсімдік ою-өрнегі. Бұл жерде сабақтастық байқалады, оның үстіне үш әмбебап мотивке (үшбұрыш, пальметта, жүрек) артықшылық беріледі, олардың негізінде көптеген вариациялар жасалған. Анықталған қимақ әшекейлерінің арасында құлаққа арналған бес түр бөлінген. Олардың негізінде көшпелі сырғалардың құрылымдық, сәндік және эволюциялық ерекшеліктері қарастырылып, олардың генезисі гипотезасы ұсынылған. Жоғарғы Ертіс өңіріндегі әйелдер қорымындағы ғибадат

заттарын түсіндіру үшін этнографиялық шындық деректерін пайдалануға әрекет жасалды. Қимақ бақсы әйелінің киімі құсты бейнелейтіні анықталды, оның қауырсындарының, аяқтарының және тырнақтарының рөлін зооморфтық және антропоморфтық фигуралар бейнеленген металл кулондар орындады.
Түйін сөздер: Шығыс Қазақстан; ерте орта ғасырлар; қимақ; көркем металл; безендіру; стильдеу; ою-өрнек

К изучению художественного металла кимаков

Л. Турганбаева
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

Аннотация. При решении проблем культурно-творческого процесса эпохи раннего средневековья вне поля зрения исследователей оставался материал по торевтике, происходящий из погребений кимаков – одного из тюркоязычных племен, занимавшего обширную территорию от Тобола и Иртыша до Каспия и Сырдарьи, но по прошествии трех веков исчезнувшего. Соответственно, хронологические рамки работы охватывают период, включающий время возникновения Кимакского каганата в конце IX в. и его упадка в середине XI в. под давлением монгольских племен Центральной Азии. Обстоятельства и условия обнаружения металлических предметов, их описание, общая оценка, интерпретация и варианты реконструкции даны в ряде публикаций Ф.Х. Арслановой, исследовавшей средневековые курганы в Павлодарском и Верхнем Прииртышье (конец 1950-1970-е гг.). Другим ценным источником явилась монография по результатам работ в зоне затопления Шульбинской ГЭС, проводившихся в 1980-1983 гг. экспедицией ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Однако в этих работах не делалось попыток анализа искусствоведческого характера. Вместе с тем, сравнительно многочисленное собрание выявленных в кимакских погребениях вещей, включающих украшения поясных и сбруйных наборов, украшения для головы и рук, принадлежности культа, требует целостного рассмотрения, систематизации, анализа технологий, декора и изобразительного ряда. В данной статье мы попытались, опираясь на наиболее яркие предметы коллекции, коснуться этих вопросов и показать те ценности, которыми обогатил человечество народ кимаков. Для этого предпринята более точная прорисовка изделий, позволяющая выявить достаточно существенные детали. Проведен типологический разбор поясной и сбруйной гарнитуры с выделением трех типов пряжек (бесщитковые, с подвижным и неподвижным щитком), с систематизацией блях (накладные, концевые, подвесные), с отбором оригинальных форм. Визуальный анализ форм и приемов оформления аксессуаров воина показал, что они унаследованы от ранних кочевников. Подобные четкие контуры характерны для традиционной кочевнической техники аппликации. В декоре изделий прослеживается также черты, характерные для стиля искусства раннесредневековой эпохи в целом – условность и схематизм, плоскостно-рельефный рисунок, осевая и центральная симметрия. Анализ орнаментики на образцах позволил выделить две основные группы: линейно-геометрический и растительный орнамент. И здесь прослеживается преемственность, причем предпочтение отдается трем универсальным мотивам (трилистник, пальметта, сердечко), на основе которых создано множество вариаций. Среди выявленных кимакских украшений для ушей выделено пять типов. На их основе рассмотрены конструктивные, декоративные и эволюционные особенности кочевнических серег, представлена гипотеза их генезиса. Предпринята попытка использования данных этнографической реальности для интерпретации

культовых предметов из женских захоронений Верхнего Прииртышья. Выявлено, что костюм кимакской женщины-шаманки символизировал птицу, роль перьев, лапок и когтей которой играли металлические подвески с изображением зооморфных и антропоморфных фигурок.
Ключевые слова: Восточный Казахстан; раннее средневековье; кимаки; художественный металл; украшения; стилизация; орнамент

Для цитирования: Турганбаева Л. К изучению художественного металла кимаков. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.156, no.3, с.34-51, https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-34-51

Финансирование. Исследование проводилось в рамках проекта "Торевтика карлуков: художественные традиции и технологии" программы грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (IRN проекта: AP19678689)

Введение

Кимаки – одна из доминирующих этнических групп, оставивших значительный след в летописи евразийских степей, однако история их продолжает оставаться областью малоисследованной по причине скудости фактологического материала и недостаточной его изученности. Например, ничего неизвестно о происхождении кимаков. Одни исследователи считают их потомками тюрков Алтайско-Саянского нагорья, другие – монголоязычного племени кумо-хи китайских авторов, третьи – "малосильных хуннов", создавших государство Юебань (Расовский 2017: 14; Кумеков 1972: 5; Файзрахманов 2000: 138). В то же время довольно четко обозначаются главные вехи их истории. Согласно источникам, в середине VII в. кимаки входили в Западный Тюркский каганат, затем – в Уйгурский каганат, после падения которого (840 г.) создали на базе союза семи племен (кимак, ими, татар, баяндур, кыпчак, ланиказ, аджлад) в верховьях Иртыша свой каганат – Кимакский (Файзрахманов 2000: 139; Каражигитова 2025).

Археологические исследования показывают, что для погребального обряда кимаков характерны захоронения под каменно-земляными курганами внутри прямоугольных или округлых оградок, покрытых каменными выкладками. Погребения, как правило, единичные, могильные ямы – прямоугольные, иногда с подбоем вдоль северной стенки. Усопшие лежат на спине, в вытянутом положении, головой на восток или северо-восток. Большее число погребенных сопровождается захоронением коня, обычно положенного параллельно человеку с той же самой ориентировкой. В отдельных могилах находятся костяки двух или трех коней (Могильников 1981: 43-44).

Исследование кимакских курганов дало не только наборы предметов вооружения, орудий труда, принадлежности конской сбруи, но и превосходные образцы декоративного искусства, украшавшие одежду, воинские пояса, снаряжение коня, сабли, предметы культа.

Материалы и методы

Изучение материалов коллекции художественного металла кимаков и литературных источников (Агеева и др. 1959; Арсланова 2013; Археологические 1987; Самашев 2016; Хасенова и др. 2021) показывает, что в функциональном отношении она весьма представительна и условно может быть поделена на две части: мужской и женский

комплексы. Условно, поскольку не все предметы инвентаря маркируют определенную социальную группу. Мужской комплекс охватывает аксессуары и личные украшения воина, украшения его оружия и снаряжения коня, то есть репрезентативные признаки сословно-социального ранга и положения в военно-служилой иерархии. Женский комплекс состоит из украшений для головы и рук, а также предметов культа.

Подавляющее большинство металлических украшений поясной и уздечной гарнитуры, включающей в себя пряжки и бляхи, выполнено из бронзы и серебра, нередко позолоченного, с использованием технологии литья. Все найденные пряжки, предназначенные для застегивания пояса воина, затягивания голенищ его сапог у щиколотки, а также входящие в состав фурнитуры узды и шлеи – с подвижным язычком, нередко железным (рис. 1-1-7).

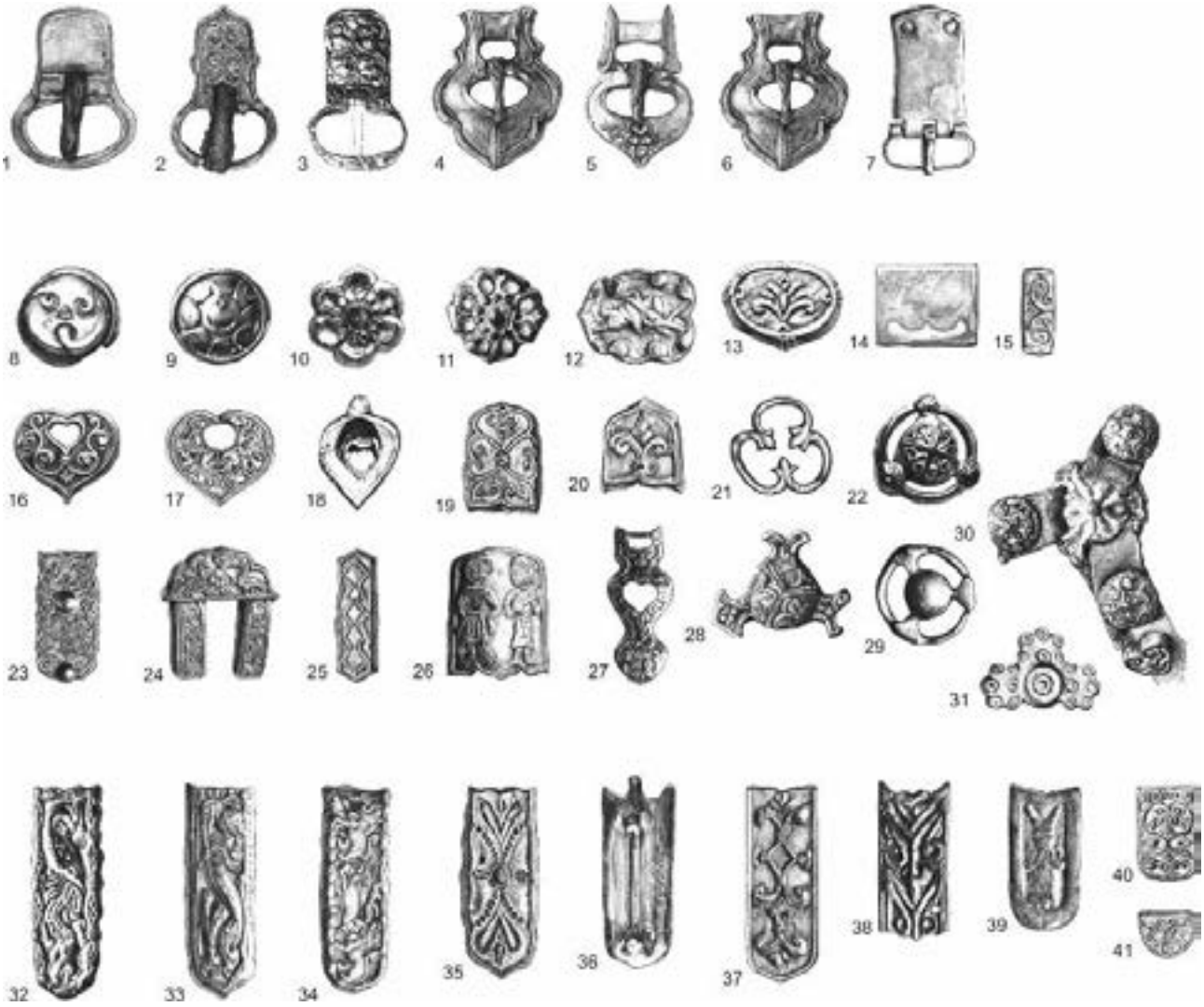

Fig. 1. Decoration of a warrior, his weapon and horse: 1-7 – buckles, 8-31 – plaques, 32-41 – belt tips

Рисунок 1. Убранство воина, его оружия и коня: 1-7 – пряжки, 8-31 – бляхи, 32-41 – наконечники ремня

Различаются три типа изделий. Тип 1 – бесщитковые пряжки с рамкой круглой, овальной (горизонтального и вертикального расположения) и трапециевидной формы. Тип 2 – цельнолитые образцы, то есть с неподвижным щитком, двух видов. В первом случае

щиток сплошной, прямоугольный, удлиненной формы, с округлым или заостренным концом; плоский с овальной гладкой рамкой или рельефный орнаментированный с фестончатой рамкой (рис. 1-1-3). Во втором – та же подпрямоугольная форма щитка, но с фигурным краем и большим вырезом; рамка – сердцевидная (рис. 1-4-6). По форме рамки, пропорциям и конструкции крепления язычка последние экземпляры восходят к костяным сибирско-алтайским пряжкам. Тип 3 – с подвижным щитком, продолговатой прямоугольной формы, согнут из серебряной пластины. В месте сгиба вырезаны петли, сквозь которые продета узкая овальная рамка с выступами на концах. Верхняя и нижняя части основания и помещенный между ними ремень соединены двумя серебряными заклепками (рис. 1-7).

Поражают своим разнообразием бляхи, которые подразделяются на накладные, подвесные и концевые. Из блях-накладок на воинский пояс отметим гладкие квадратные с фигурной щелевидной прорезью у нижнего края (рис. 1-14), прямоугольные орнаментированные обоймы-тренчики (рис. 1-15), круглые плоские и полусферические с рельефным орнаментом (рис. 1-8, 9), цветковидные с шестью и восьмью лепестками (рис. 1-10, 11), овальные геральдические (рис. 1-13), сердцевидные орнаментированные с фигурным вырезом по центру и ажурные (рис. 1-16, 17). С ними композиционно связаны были бляхи-тройники, предназначенные для сочленения ремней и обозначения их направления (рис. 1-21, 22, 28-31). Здесь фантазия мастеров породила множество разновидностей, от округлых гладких с дуговидными прорезями до богато орнаментированных с различно оформленными лопастями.

По форме и размерам к поясным накладным бляхам близка фурнитура конского снаряжения. Однако, наряду с почти идентичными изделиями, встречаются оригинальные: пятиугольные (в форме "геральдического щита") (рис. 1-20), с пирамидальными выступами, шумящие подвески с полуяйцевидным выступом на лицевой стороне и бронзовым шариком внутри (рис. 1-18). Своеобразием отличаются и бляхи, украшавшие оружие. Это хорошо видно на примере сабли знатного воина из Зевакинского могильника (Восточно-Казахстанская обл.). Три накладные бляхи прикреплены были к рукояти: одна – умбоновидная с волнистым краем и шестилепестковой розеткой по центру, вторая – в форме четырехлистника, третья – ромбовидная с рельефным узором из переплетающихся колец.

Надо сказать, что из концевых блях в коллекции наиболее многочисленны наконечники, которые крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисающему концу ремня, украшая его и предохраняя от быстрого изнашивания. Чаще всего они прямоугольной формы, продолговатые и укороченные, с заостренным или скругленным концом, но встречаются и с фестончатым или фигурным краем и выемкой у основания. В декоре их использованы геометрический, растительный, зооморфный и антропоморфный орнаменты (рис. 1-32-41).

Истолкование описываемой категории вещей, используемой на них орнаментики, ее смысла и содержания не перестает волновать исследователей. Одни авторы видят в них главный индикатор "имперской" культуры, выполненный по матрицам из ставки верховного владыки, по мере надобности и в соответствии с рангом носителя, с весьма ограниченным и регламентированным репертуаром форм и орнамента (Горелик 2017). Другие уподобляют орнамент украшений воина их униформе и знакам отличия, считают демонстрацией их богатства и мастерства ремесел каганата (Маршак 2017). Третьи полагают, что эти изделия не что иное, как металлические аппликации на ремень или одежду, и подчеркивают роль орнамента как средства для придания разнообразия

изделиям (Бернштам 1952). Все эти подходы к изучению торевтики средневековых кочевников не лишены известного основания. Однако будем исходить из аксиомы, что орнаментальный декор – это средство придать вещи, ее поверхности и изображению на ней особую сакральную жизненную силу, объемлющую и предметную.

Визуальный анализ формы ювелирных изделий мужского комплекса кимакской коллекции, их геометрических параметров и границ показывает, что образцам свойственны контуры и рисунки, тесно связанные с мотивами, типичными для степного искусства и характерные для традиционной кочевнической техники аппликации с ее замкнутым контуром фигур, нередко составленным из плавных отрезков дуги и острых углов. В декоре этих предметов прослеживаются черты, характерные для стиля искусства раннесредневековой эпохи в целом – условность и схематизм, плоскостно-рельефный рисунок, осевая и центральная симметрия, четкий графический контур (Рempель 1961: 87).

Результаты

Анализ орнаментики на образцах позволяет свести все многообразие мотивов к двум основным группам. Первую составляют линейно-геометрический и растительный орнамент, употребляемые в строчной композиции, на сетке квадратов, а также единично. Геометрический декор представлен простейшими прямолинейными и криволинейными фигурами. Популярны ромбы, нервюры, прорезной орнамент. В растительном орнаменте универсальна роль пальметты, фигуры сердечка, трилистника или их половинок. Трилистник – трехлепестковый остролистник, олицетворение лотоса присутствуют почти в каждой композиции: на обувных бляхах, в декоре подвесок и наконечников (рис. 1-20, 23, 37, 38). В солярной схеме он потеснил традиционные кочевнические свастикообразные вертуны и многолепестковые розетки. Характерны полусферические бляхи с рельефным узором из четырех трилистников с удлиненным средним листом, расположенных накрест, в окружении парных завитков и кольца из перлов (рис. 1–30). Мотив пальметты – символа "священного древа", плодородия, жизнеутверждающего начала применен в орнаменте кимаков в форме пяти- и семилепестковых цветков. Судя по композиции овальной бляхи, приемы стилизации превратили его в средство оформления вкомпонованного в декор родового или династического знака (рис. 1-13). Фигура сердечка, принявшая форму заостренного листа, чаще встречается в контурах накладных блях и подвесок, но нередко компонуется вокруг базовой точки (рис. 1-16, 17, 19). Особенно эффектно фигуры универсального применения сочетаются с изогнутым по спирали стеблем. На бляхах и наконечниках нередки композиции, в которых спаренный вьющийся стебель, скрепленный в местах касания кольцом, образует среднее поле в виде цепочки медальонов.

Вторая группа кимакского орнамента на украшениях мужского комплекса включает в себя более или менее стилизованные изображения животных, реальных и фантастических, людей, а также композиции на повествовательные и мифологические темы. Сюжеты заключены в рамку, нередко из перлов или фестонов, что указывает на их символическое значение и стремление мастера придать вещи значимость, присущую ее владельцу. В манере передачи животных еще сохраняются пережиточные черты анимализма ранних кочевников, но, в отличие от фигур "звериного стиля", они тесно связаны с плетением стеблей и побегов и являются лишь акцентами в общем растительном декоре.

Подверглись трансформации фантастические животные – существа, сочетающие в себе признаки зверей, птиц и пресмыкающихся. На концевых бляхах поясов они представлены

одиночными профильными изображениями шагающих чудовищ и драконов с сильно вытянутыми пропорциями изгибающихся по-кошачьи тел и стилизованными в духе растительного орнамента крыльями, клыками, ушами, рогами (рис. 1–32, 33).

Подчинены декоративному убранству и сцены охоты, которые носят в искусстве кимаков пространственный характер и развертываются на общей базисной линии. По горизонтали бегут влево два льва и олень на продолговатых наконечниках (рис. 1–34). Этот "гон зверей" напоминает растительный побег – переходят друг в друга линии тел животных и полукольца закинутых за спину длинных рогов оленя, лепестком и бутоном проросли хвосты хищников. Это явление Г.А. Федоров-Давыдов называл "всепроникающим движением" (Федоров-Давыдов 1976). Диагональ читается в сцене единоборства на овальных накладных бляхах (рис. 1–12). Она образована вытянутым в прыжке телом свирепого тигра и занесенным над ним копьем в руке стремительно мчащегося степного воина. В этом сюжете образ человека передан весьма поэтично. Особенно выразителен характерный профиль с особым изгибом бедра слившегося с конем всадника.

Полной противоположностью является изображение фигуры мужчины в полный рост на наконечнике ремня (рис. 1–39). Втиснутый в широкую рамку металлического изделия, образ человека весьма искажен, схематичен. У него большая голова с клиновидной бородкой, увенчанная трехрогой шапкой. Контур лица обрисован крайне скупо, несколькими линиями переданы глаза, нос, рот. Туловище условно: от выпуклого округлого живота вверх отходят руки в виде растительных завитков, вниз – широко расставленные ноги, которые упираются в углы обрамления. Статичная поза персонажа и жесткая симметрия придают изображению геральдический характер.

Двух мужчин в полный рост можно видеть и в сцене пира, изображенной на навершии рукояти сабли (рис. 1–26). Это – дуэт, в котором один персонаж танцует под аккомпанемент другого – музыканта-лютниста. Скрытую динамику этой композиции, ощущение ритмичного колыхания на плоскости мастер оттенил мягко очерченными контурами и плавным изгибом тел героев, их повернутыми друг к другу головами с обобщенными округлыми лицами.

Отметим также изображение мужчины, сидящего с поджатыми калачиком ногами между двух фазанов, на бляхе, соединяющей две обоймы-тренчики от ножен сабли (рис. 1–24). Особенно тщательно изображена его голова в высокой шапке, тонко моделировано лицо, более схематично туловище со сложенными на животе руками, держащими чашу. Исключительно просто, обобщенно, но выразительно даны изображения предстоящих – двух птиц, в которых различимы, помимо общей конфигурации, оперенье в виде точечного орнамента, раздваивающийся опущенный хвост, круглый глаз, две ноги. Сами обоймы украшены поясками из пятилепестковых пальметт.

Таким образом, анализ декора убранства кимакских воинов показал довольно ограниченный репертуар орнаментальных мотивов. Из геометрического и растительного орнамента были взяты символы, олицетворявшие универсум, из зооморфного – хищники, из антропоморфного – мужские персонажи.

Об аксессуарах женского костюма кимаков позволяют судить украшения и культовые предметы, составляющие вторую часть коллекции (рис. 2).

Рисунок 2. Ювелирные украшения из женских погребений Верхнего Прииртышья: 1–3, 6–10 – серьги, 4, 5 – перстни, 11 – бубенчик, 12, 13 – булавки, 14, 19, 20 – застежки, 15–17 – навершия головного убора, 18, 21, 22, 27–30, 32 – подвески, 26, 31 – бляхи

Fig. 2. Jewellery from female burials of the Upper Irtysh region: 1–3, 6–10 – earrings, 4, 5 – rings, 11 – a small bell, 12, 13 – pins, 14, 19, 20 – clasps, 15–17 – headdress finials, 18, 21, 22, 27 – 30, 2 – pendants, 26, 31 – buckles

Украшения для ушей в коллекции немногочисленны. Среди них выделяются серьги, которые мы подразделяем на пять типов.

Тип 1 – серьги в виде проволочного кольца с несомкнутыми и сомкнутыми концами, которые чаще всего фиксируются при раскопках (рис. 2-1). В погребениях рядовых членов общества обоих полов они, как правило, бронзовые, встречаются по одной с левой и правой стороны черепа, реже – по две. Известны также случаи находки кольчатых серег, выполненных из драгоценных металлов: один экземпляр из тонкой серебряной проволоки, два – из толстой и пара золотых (диаметром 16 мм). Выявленные наряду с ними височные подвески и гладкие браслеты отличаются от серег только размерами.

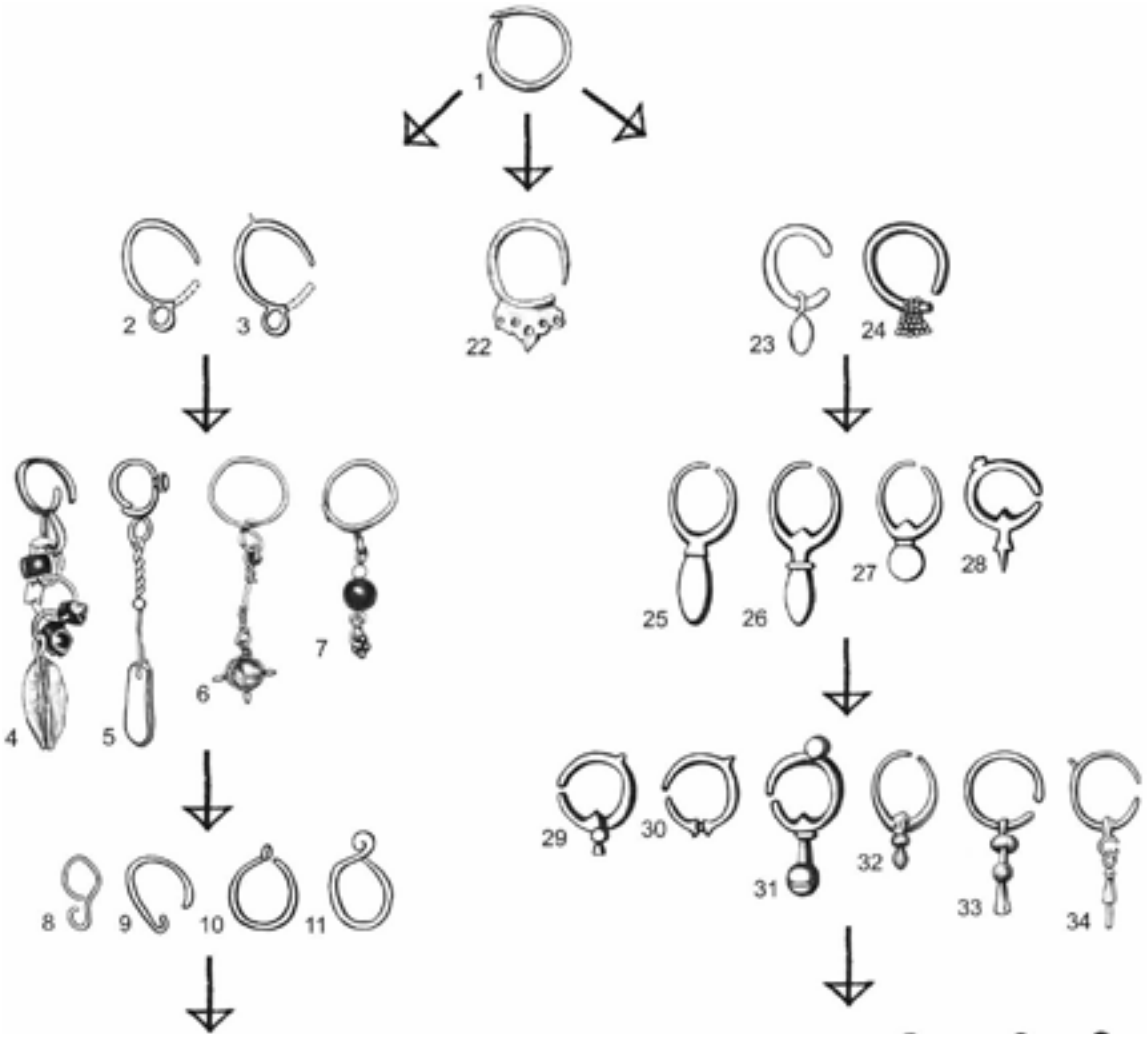
Тип 2 – серьги в виде знака вопроса (рис. 2-6, 7). Бронзовые и серебряные, они имеют форму кольца с отходящим от него заостренным стержнем, с насаженной бусиной и петелькой на конце.

Тип 3 – серьги с припаянной к дужке кольца продолговатой прямоугольной пластиной, заостренной книзу, с фигурным краем и пятью отверстиями для подвешивания (рис. 2-2) (Арсланова 2013: 94).

Тип 4 – серьги сложной формы, двусоставные, в форме разомкнутого кольца овальной формы с выступом в верхней части и шарообразной подвеской – в нижней. Литейные швы, образовавшиеся в них по линии соединения двух полых дуг, закамуфлированы частыми насечками. У бронзовой версии серег подвеска шарообразная, крепилась на шелковой веревочке, известна в двух вариантах: глазчатая и в виде бубенчика с пятью выступами, у серебряных – в форме пирамидки вершиной вниз или шарика, примотанного к дужке проволокой, две его половинки украшены рельефной крестовиной с углублением на маковке (рис. 2–8–10).

Тип 5 – серьги–лунницы в форме полумесяца, обращенного рожками вверх (рис. 2–3), также двусоставные, возможно, из тисненых пластинок, с каймой из ложной зерни по внешнему краю.

Типологический анализ ушных украшений позволяет рассмотреть их в общем ряду памятников своего времени, определить место каждого в едином процессе исторического развития кочевнических серег (рис. 3).

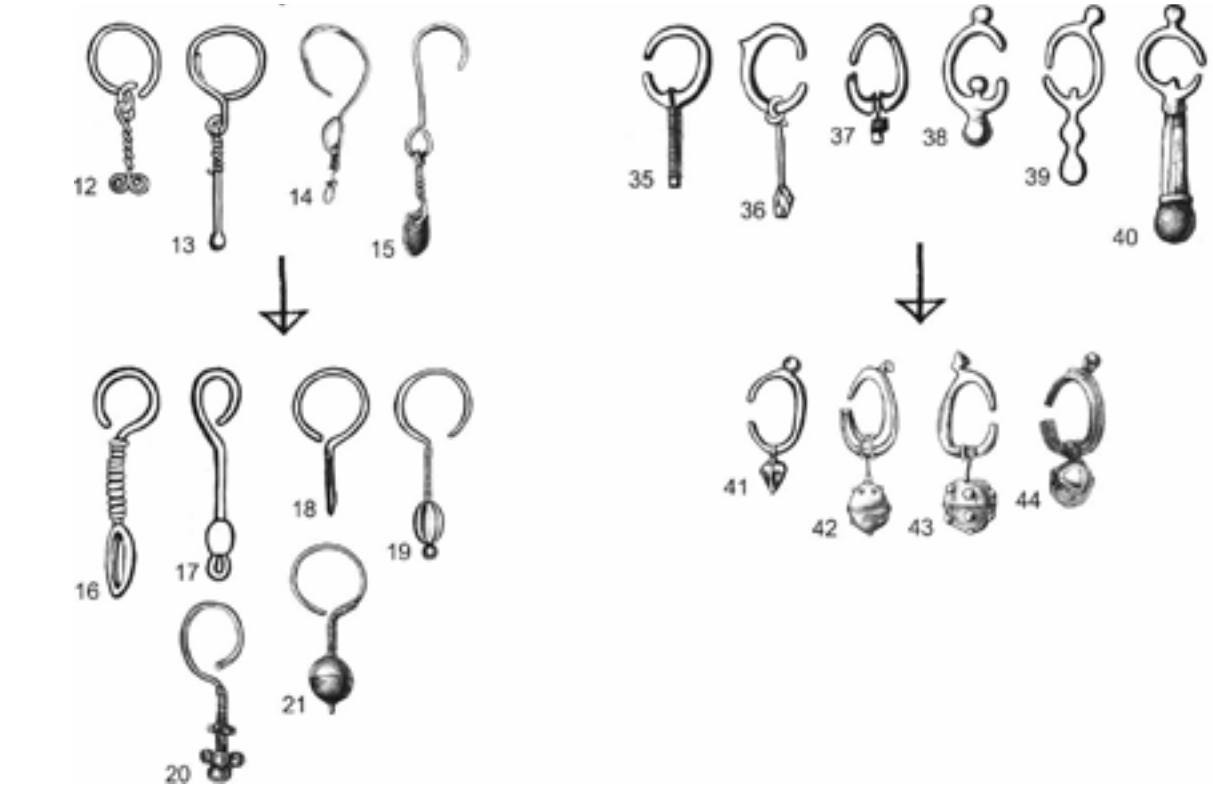

Рисунок 3. Схема эволюции кочевнических серег: 1 – серьга в виде проволочного колечка; 2, 3, 32–34 – бронзовые серьги. Пенджикент (Распопова 1980: 112, рис. 75–1, 2, 5, 14); 4, 24 – золотые серьги. Шиликты. Восточный Казахстан (Толеубаев 2018: 90); 5, 12 – кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского времени (Заднепровский 1992а: 379, табл. 29–51, 58); 6, 7, 14, 15 – ранние кочевники. Восточный Казахстан; 8, 9, 16 – Саргатская культура (правобережье Иртыша) (Заднепровский 1992а: табл. 126–27, 28, 37); 10, 11 – Южный Казахстан и Ташкентский оазис (Заднепровский 1992б: табл. 37–35, 36); 13 – ранние кочевники. Могильник Убаредмет (Верхнее Прииртышье); 17, 18 – бронзовые серьги. Ждановский могильник (Павлодарская обл.) (Арсланова 2013); 19 – серьги в виде знака вопроса (X в., Новгород) (Седова 1959: 225, рис. 1–12); 20 – могильник Новобырдо (XIV–XV вв., Косово, Сербия) (Владимиров 2018: 24, рис. 14); 21 – некрополь г. Кечкемет (XIV в., Венгрия) (Владимиров 2018: 19, рис. 7); 22 – серьга с припаянной к дужке пластиной. Верхнее Прииртышье (Арсланова 2013: 94); 23 – серьга с овальной подвеской (кон. I тыс. до н. э., Восточный Казахстан) (Боковенко и др. 1992: табл. 57–41); 25–31, 35–37 – серьги тюрков Саяно-Алтая (Овчинникова 1990: рис. 10); 38–40 – аланский катакомбный могильник Чми (VI–IX вв., Северный Кавказ) (Деопик 1963: 130, рис. 2–2, 3, 6); 41–44 – серьги "кимакского типа" (Арсланова 2013)

Fig. 3. Scheme of the evolution of nomadic earrings: 1 – earring in the form of a wire ring; 2, 3, 32–34 – bronze earrings. Penjikent (Raspopova 1980: 112, fig. 75–1, 2, 5, 14); 4, 24 – gold earrings. Shilikty. East Kazakhstan (Toleubayev 2018: 90); 5, 12 – nomads of Semirechye and Tien Shan of Wusun time (Zadneprovsky 1992a: 379, table 29–51, 58); 6, 7, 14, 15 – early nomads. Eastern Kazakhstan; 8, 9, 16 – the Sargat culture (right bank of Irtysh) (Mogilnikov 1992: 476, table 126–27, 28, 37); 10, 11 – Southern Kazakhstan and Tashkent oasis (Zadneprovsky 1992b: 287, table 37–35, 36); 13 – early nomads. Ubaredmet burial ground (Upper Irtysh region); 17, 18 – bronze earrings. Zhdanovsky burial ground (Pavlodar region) (Arslanova 2013); 19 – earrings in the form of a question mark (10th century, Novgorod) (Sedova 1959: 225, fig. 1–12); 20 – Novobyrdo burial ground

(14th–15th cc., Kosovo, Serbia) (Vladimirov 2018: 24, fig. 14); 21 – necropolis of Kechkemet (14th c., Hungary) (Vladimirov 2018: 19, fig. 7); 22 – earring with a plate soldered to the shackle. The Upper Irtysh region (Arslanova 2013: 94); 23 – earring with an oval pendant (late 1st millennium BC, Eastern Kazakhstan) (Bokovenko et al 1992: 407, table 57–41); 25–31, 35–37 – earrings of the Sayan–Altai Turks (Ovchinnikova 1990: fig. 10); 38–40 – the Alanian catacomb burial ground of Chmi (6th–9th cc., North Caucasus) (Deopik 1963: 130, fig. 2– 2, 3, 6); 41–44 – earrings of the "Kimak type" (Arslanova 2013)

Обсуждение

Изучение конструктивных решений образцов показывает, что исходной формой всех изделий являются серьги в виде простых проволочных сомкнутых и несомкнутых колец (рис. 3–1). Судя по литературе, в Верхнем Прииртышье они бытовали еще в эпоху поздней бронзы, но широкое распространение получили в скифо-сакскую эпоху. Собственно, тогда и начались всевозможные манипуляции с кольчатыми серьгами. В конце I тыс. до н. э. к колечку крепили небольшую овальную подвеску (рис. 3–23) (Боковенко и др. 1992: 147, 407, табл. 57–41), она была подвижная и просто прикреплялась проволочной обмоткой к швензе серьги. То есть бусины можно было легко и быстро менять, создавая каждый раз новые серьги на одной и той же основе. Затем с внешней стороны швензы стали припаивать подвесное ушко (рис. 3–2). Подвеска тоже преобразилась и приобрела вид удлиненного проволочного стержня с нанизанными на него бусинами и насаженным на конце камушком, розеткой из спаянных друг с другом металлических горошин или диском–гнездом для вставки полудрагоценного камня в кольце из зерни (рис. 3–6, 7). На золотой серьге из Шиликты мы видим несколько подвешенных друг к другу кольцевых звеньев (рис. 3–4). Отметим также, что у кочевников Семиречья и Тянь-Шаня усуньского времени впервые встречаются серьги с бусинкой, прикрепленной на верхней части дужки (рис. 3–5) (Заднепровский 1992а: 379, табл. 29–58).

Материалы археологических исследований Саргатской культуры (правобережье Иртыша) показывают, что где-то в III–II вв. до н. э. подвесное ушко стали мастерить из самой основы – колечка, вставлявшегося в ухо (рис. 3–8, 9). Для этого один из его концов оттянули, выпрямили и загнули, то есть получилась открытая швенза–крючок. А ко II–III вв. н. э. серьги в виде знака вопроса уже окончательно оформились (Могильников 1992: 476, табл. 126–28, 29). У бронзовой серьги из Ждановского могильника (Павлодарская обл.) для плотного закрепления бусины на нижней петле стержень обмотан проволокой (рис. 3–17, 18). Аналогичные серьги найдены при раскопках археологических памятников Новгорода, Волжской Булгарии, Хорезма и т. д. (рис. 3–19) (Седова 1959: 225, рис. 1–12; Владимиров 2018: 16, рис. 4–1, 7, 8, рис. 6; Торежанова 2000: 205, рис. 1–3).

Старая сакская художественная традиция продолжала жить и в образцах таких типов серег, как "кимакские" и "салтовские". Их появление определили древние тюрки, наследники ранних кочевников, отдавая предпочтение технике литья по деревянным и восковым моделям с использованием сердечников. То есть при изготовлении серег они использовали технологию создания ременных украшений. Преимущества литья по восковой модели – возможность получать при малом количестве металла пустотелые объемные детали, имитирующие массивный предмет, а также использовать в качестве матрицы само изделие (Король и др. 2017: 78).

Судя по хронологии древнетюркских серег, прослеженной Б.Б. Овчинниковой на материалах погребений Саяно-Алтая (Овчинникова 1990), эволюция формы происходила

следующим образом. В VI – первая половина VII вв. с внешней стороны кольцевой основы серьги припаивалась уже не петля, а щиток, как у пряжек, к которому крепилась полая каплевидная металлическая подвеска. Зафиксированы еще два варианта подобных украшений: серьги с заостряющимся кверху щитком, образующим треугольный выступ с внутренней стороны колечка, и серьги с подвеской шаровидной формы (рис. 3–25–27).

Во второй половине VII в. размеры кольца серьги увеличиваются, разомкнутые концы его смещаются вбок, в верхней части появляется шпенек для бусины, в то время как подвеска-раструб становится полой, в нее вводится стержень, к концу которого крепится бусина или шарик (рис. 3–28–31). Дальнейшее развитие заключается в усложнении оформления конца подвески и верхней части основного кольца. В качестве украшений используются составные части из драгоценных металлов, а шарик уже не крепится на шпенек, а припаивается, причем удлиняется и сама подвеска. Об этом свидетельствуют серьги Алтая второй половины VIII – начала IX вв.

К IX в. исследователь относит и изменения очертаний кольцевой основы серег Тувы и Хакасии – корпус вытянулся, чуть сузился кверху и приобрел подтреугольную форму (рис. 3–37). Аналогичный контур имеют серьги типа 4 из погребений Верхнего Прииртышья. То есть ко времени появления Кимакского каганата форма серег уже окончательно определилась. Вклад местных мастеров, думается, заключался в изготовлении серег из сборных деталей, выполненных в технике литья по пустотелой восковой модели. В этом основное отличие серег "кимакского типа" от "салтовских", цельнолитых, объединявших в одном изделии автономные прежде элементы: кольцевидную основу, диски–заглушки, подвесное и соединительное ушки, проволочный стержень с нанизанными на него бусинами.

Из двух составных частей кимаки изготовляли и традиционные серьги-лунницы (рис. 2–3), прежде выполнявшиеся в виде колечка с утолщенной средней частью. Их Ф. Арсланова объясняет почитанием Луны и культом плодородия и относит к аксессуарам обрядового костюма, наряду с двумя перстнями из коллекции (рис. 2–4, 5). Последние имеют прямоугольную в сечении кованую шинку и довольно крупный щиток в виде плоскорельефной восьмилепестковой цветковидной розетки и креста, составленного из двух парных спиралевидных завитков.

С первобытными культами исследователь связывает и металлические изделия с зооморфными и антропоморфными изображениями, найденные в погребениях Верхнего Прииртышья. Среди них преобладают стилизованные фигурки птиц, выполненные в виде миниатюрных скульптурок "петушка–феникса", булавок, застежек, подвесок (рис. 2–12, 14–20, 32). Кроме того, найдены фигурки рыбок, выпуклая поверхность которых, в одном случае украшена изображением человека в высоком головном уборе, сидящем на верхушке пальметты, во втором – медальонами из трилистников, в третьем – цветочными розетками и пальметтами (рис. 2–23–25), а также изображение фантастического животного льва-собаки (шицза) (рис. 2–22), бубенчики (рис. 2–11), бляхи-личины, бляхи-зеркальца, подвески в виде косого креста, ромба, сердечка с трилистником в центре и диска с 15-лепестковой розеткой (рис. 2– 21, 26, 27–31).

Морфологический анализ этих изделий показал, что, в отличие от аксессуаров мужского комплекса, где орнаментальный рисунок наносился на поверхность вещи, они являлись непосредственной данностью животных и птиц в форме вещи, по выражению Г.А. Федорова-Давыдова, были как бы "предметом-животным" (Федоров-Давыдов 1976).

Исходя из устойчивого набора этих предметов в инвентаре женских могил, Ф.Х. Арсланова посчитала их принадлежностью служительниц шаманского культа и предложила свою версию реконструкции обрядового костюма, суть которой сводится к следующему. Скульптурка птицы феникса символизировала верхний мир, солнечное божество, поэтому венчала головной убор, увешанный бубенчиками и лентами, на которых крепились подвески и серебряные застежки в виде летящих водоплавающих птиц. Бубенчиками был снабжен и пояс; с него свисали ремешки с оковками в форме рыбок.

Для восстановления ритуального облачения кимакских жриц плодотворным видится обращение к фактам этнографического изучения мира шаманов (кам) Саяно-Алтая. Судя по литературе (Захаров 1998а, 1998б), в их одеянии (маньяк) и священнодействиях была значительна ритуальная роль птиц, которые считались активными помощниками камов, поэтому весь костюм символизировал птицу. Колпакообразная шапка, надеваемая при подъеме к верхнему богу, называлась "куш порук" – "шапка птицы". На нее навешивались натуральные и высушенные крылья птиц, их головы, лапки, когти, кости, клювы, пучки перьев и т. п., которые, по утверждениям шаманов, помогали им взбираться на вершины гор и крутые скалы во время путешествия по сферам вселенной. Известны также случаи, когда фигурки из металла, изображающие птиц, прикреплялись к шапкам лечебного назначения.

В принципе, все это согласуется со стойкими народными символами оседло-земледельческих народов: петух у них считался носителем чистого света, провозвестником солнца, фазан – эмблематически связывался с огнем, утка была эмблемой здоровья и богатства. Поэтому вполне справедлива гипотеза Ф.Х. Арслановой о расположении "петушка-феникса" на навершии головного убора, а фигурок птиц – на налобной повязке кимаков.

Перечисленные выше части птиц цеплялись также к заднему полотнищу шаманской куртки, сшитой из овчины или маральей кожи, и подмышками. Роль перьев играли и прикрепленные рядом с ними железные подвески с изображениями зооморфных и антропоморфных фигур – помощников и защитников шамана, выполненных с большим мастерством, поскольку в этом заключалась их особая сила – убивать злых духов.

Кроме того, ритуальное облачение – вместилище духов шамана, имитация панциря или кольчуги (куяк), защищавшей кама от злых духов – включало в себя колокольчики и бубенчики, множество жгутов, платков, лент, цветную бахрому, шкурки зверей, тряпичные куклы, изображения змей, чудовищ и т.п. Последние помогали при путешествии в подземный мир, что объясняет, возможно, присутствие в инвентаре погребений изображения полиморфного шицза (лев-пес), одного из основных и сильных помощников кама, который "рвал врагов когтями и зубами". Эта информация подтверждает их принадлежность шаманкам, которые в силу своей "женской природы" (то есть ритуальной нечистоты) не могли камлать Ульгеню, а камлали только подземному Эрклику и духам гор.

Ключ к разгадке использования на застежках образа водоплавающей птицы с длинной шеей и личиной на туловище, возможно, дает ведущая роль гуся и лебедя среди тотемов древних тюрков или тот факт, что часть пути во время камлания шаман преодолевал не на бубне, олицетворявшем ездовое животное, а на гусе. Эти и другие наблюдения и связанные с ними догадки можно было бы продолжить, но это не входит в рамки нашего исследования.

Заключение

Изучение памятников торевтики из захоронений Восточного Казахстана позволило сделать еще один шаг в исследовании культуры кимаков (IX–XI вв.) – союза племен, участвовавших в этногенезе казахов, татар, башкиров, ногайцев и др. Оставленные ими металлические изделия показывают высокий уровень развития их ювелирного ремесла, сакского в первооснове, его тесную связь с эпохой древних тюрков и с культурой сопредельных стран. Сохранение кимаками традиций прослеживается в единстве типов и формализованных признаков поясной и сбруйной гарнитуры, а также в контурах и рисунках, свойственных кочевнической технике аппликации. Их вклад в орнаментальное искусство выразился в создании собственной версии "степного орнаментализма" с довольно ограниченным репертуаром мотивов. Из геометрического и растительного орнамента они взяли символы, олицетворявшие универсум, из зооморфного – хищников, из антропоморфного – мужских персонажей. Вкладом кимаков в ювелирное искусство явились так называемые "серьги кимакского типа", которые изготовлялись из сборных деталей, выполненных в технике литья по пустотелой восковой модели, что отличает их, например, от цельнолитых "салтовских". Оригинально кимаками осмыслялись также роль и место в ритуальном облачении металлических изделий с зооморфными и антропоморфными изображениями, которые были найдены в женских погребениях. Как выяснилось, они символизировали перья птицы, а большое мастерство исполнения наделяло их особой силой, способной убивать злых духов.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что основами самобытного искусства кимаков являлись сохранение традиций и наличие репродуктивных, творческих способностей к усвоению и переработке культурных заимствований в соответствии с собственными представлениями и техническими возможностями.

Acknowledgements

I would like to express my special gratitude to B.M. Khasenova, a research fellow at the Astana Branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, for providing materials, assistance and support.

Алғыс білдіру

Арнайы алғысымды Б.М. Хасеноваға – А.Х. Марғұлан атындағы Астана филиалының ғылыми қызметкеріне материалдарды бергені, көрсеткен көмегі және қолдау көрсеткені үшін білдіремін.

Благодарности

Выражаю особую признательность научному сотруднику Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана Хасеновой Б.М. за предоставление материалов, помощь и содействие.

Список литературы

Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской археологической экспедиции 1955 г. *Труды ИИАЭ АН КССР.* Алма-Ата: АН КазССР. 1959. No.7, с.32–58.

Арсланова Ф. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. *Материалы и исследования по археологии Казахстана.* Под общей редакцией З. Самашева. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Маргулана. 2013. Т.3. 406 с.

Археологическая карта Казахстана. Ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1960. 449 с.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата. 1987. 280 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. *Материалы и исследования по археологии СССР.* No.26. Москва-Ленинград. 1952. 348 с.

Боковенко И.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука. 1992. С. 140-148.

Владимиров Г. *Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII-XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства*. Казань. 2018. С.10-38.

Горелик М.В. Культура империй, созданных кочевниками (скифы, хазары, монголы). *Археология евразийских степей.* 2017. No.5, с.253–256.

Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI-IX вв. *Материалы и исследования по археологии СССР.* No.114. Москва: Изд-во АН СССР. 1963. С.123-147.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* Москва: Наука. 1992a. С.73-87.

Заднепровский Ю.А. *Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* Москва: Наука. 1992b. С.101-107.

Захаров Ю.А. *Мир шамана-целителя.* Москва: Яуза. 1998a. 256 с.

Захаров Ю.А. *Практика шамана-целителя.* Москва: Яуза. 1998b. 256 с.

Каражигитова А., Пересветов Г., Кабылдинов А. Погребение средневекового воина в Павлодарском Прииртышье. *Gumilyov Journal of History.* 2025. Vol.151, no.2, с.29-42, https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-151-2-29-42

Король Г., Наумова О. *Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I-II тыс.).* Москва: ИА РАН. 2017. 128 с.

Кумеков Б.Е. *Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам*. Алма-Ата: Наука. 1972. 156 с.

Маршак Б.И. *История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности.* Под ред. В.П. Никонорова. Санкт-Петербург: Академия исследования культуры. 2017. 736 с.

Могильников В.А. Кимаки. *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Москва: Наука. 1981. С.43-45.

Могильников В.А. Саргатская культура. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* Москва: Наука. 1992. С.292-311.

Овчинникова Б.Б. *Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв.* Свердловск: УрГУ. 1990. 223 с.

Расовский Д.А. *Половцы, торки, печенеги, берендеи.* Москва: Изд-во "Ломоносов". 2017. 200 с.

Распопова В.И. *Металлические изделия раннесредневекового Согда.* Ленинград: Наука. 1980. 140 с.

Ремпель Л.И. *Архитектурный орнамент Узбекистана.* Ташкент. 1961. 608 с.

Самашев З.С. *Памятники средневековья кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае. Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 2016. С.379-409.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). *Материалы и исследования по археологии СССР.* No.65. Москва: АН СССР. 1959. С.223-261.

Толеубаев А.Т. *Раннесакская шиликтинская культура*. Алматы: Изд-во Садвакасов А.К. 2018. 528 с.

Торежанова Н. О некоторых типах серег средневековых памятников Хорезма. *История материальной культуры Узбекистана.* Вып. 31. Самарканд. 2000. С.204-206.

Файзрахманов Г. *Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии.* Казань. 2000. 188 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. *Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов.* Москва: Искусство. 1976. 228 с.
Хасенова Б., Омаров Г., Бесетаев Б., Хабдулина М.К Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина. *Oriental Studies*. 2021. Т.4, no.6, с.1188-1209.

References

Ageeva E.I., Maksimova A.G. Otchet Pavlodarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1955 g. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR.* Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. 1959. No.7. Pp.32-58. (in Russian)
Arslanova F. Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtyshia. Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region. *Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan Samashev Z.* (ed.). Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology Publ. 2013. Vol.3. 406 p. (in Russian)
Arkheologicheskaia karta Kazakhstana. Akishev K.A. (ed.). Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. 1960. 449 p. (in Russian)
Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopleniia Shulbinskoi GES. Alma-Ata. 1987. 280 p. (in Russian)
Bernshtam A.N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentralnogo Tian-Shania i Pamiro-Alaia. *Materials and Research on the Archaeology of the USSR.* No. 26. Moscow–Leningrad. 1952. 348 p. (in Russian)
Bokovenko I.A., Zadneprovskii Yu.A. *Rannie kochevniki Vostochnogo Kazakhstana Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time.* Moscow: Nauka Publ. 1992. Pp.140-148. (in Russian)
Vladimirov G. *Sergi v vide znaka voprosa iz srednevekovoi Bolgarii (XIII-XIV vv.): o materialnykh sledakh kumanov i Zolotoi Ordy v kulture Vtorogo Bolgarskogo tsarstva.* Kazan. 2018. Pp.10-38. (in Russian)
Gorelik M.V. *Kultura imperii, sozdannykh kochevnikami (skify, khazary, mongoly).* Archaeology of the Eurasian Steppes. 2017. No.5, pp.253-256. (in Russian)
Deopik V.B. Klassifikatsiia i khronologiia alanskikh ukrashenii VI-IX vv. *Materials and Research on the Archaeology of the USSR.* No.114. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. 1963. Pp.123-147. (in Russian)
Zadneprovskii Yu. Rannie kochevniki Semirechia i Tian-Shania. *Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time.* Moscow: Nauka Publ. 1992. Pp.73-87. (in Russian)
Zadneprovskii Yu.A. Rannie kochevniki Iuzhnogo Kazakhstana i Tashkentskogo oazisa. *Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time.* Moscow: Nauka Publ. 1992. Pp.101-107. (in Russian)
Zakharov Yu.A. *Mir shamana-tselitelia.* Moscow: Yauza Publ. 1998. 256 p. (in Russian)
Zakharov Yu.A. *Praktika shamana-tselitelia.* Moscow: Yauza Publ. 1998. 256 p. (in Russian)
Karazhigitova A., Peresvetov G., Kabyldinov A. Pogrebenie srednevekovogo voina v Pavlodarskom Priirtyshe. *Gumilyov Journal of History.* 2025. Vol.151, no.2, pp.29-42, https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-151-2-29-42.
Korol G.G., Naumova O.B. *Khudozhestvennyi metall u kochevnikov* (Tsentralnaia Aziia rubezha I-II tys.). Moscow: IA RAS Publ. 2017. 128 p. (in Russian)
Kumekov B.E. *Gosudarstvo kimakov IX-XI vv. po arabskim istochnikam*. Alma-Ata: Nauka Publ. 1972. 156 p. (in Russian)
Marshak B.I. *Istoriia vostochnoi torevtiki III-XIII vv. i problemy kulturnoi preemstvennosti*. St. Petersburg: Academy of Cultural Research Publ. 2017. 736 p. (in Russian)
Mogilnikov V.A. Kimaki. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekovia.* Moscow: Nauka Publ. 1981. Pp. 43-45. (in Russian)
Mogilnikov V.A. Sargatskaia kultura. *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia.*

Moscow: Nauka Publ. 1992. Pp.292-311. (in Russian)
Ovchinnikova B.B. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaia v VI-X vv. S*verdlovsk: UrGU Publ. 1990. 223 p. (in Russian)
Rasovskii D.A. *Polovtsy, torki, pechenegi, berendei.* Moscow: Lomonosov Publ. 2017. 200 p. (in Russian)
Raspopova V.I. *Metallicheskie izdeliia rannesrednevekovogo Sogda.* Leningrad: Nauka Publ. 1980. 140 p. (in Russian)
Rempel L.I. *Arkhitekturnyi ornament Uzbekistana.* Tashkent. 1961. 608 p. (in Russian)
Samashev Z.S. *Pamiatniki srednevekovia kochevnikov verkhovii r. Karakaba v Kazakhskom Altae. Altai in the Circle of Eurasian Antiquities.* Novosibirsk: IAE SO RAN Publ. 2016. Pp.379-409. (in Russian)
Sedova M.V. Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X-XV vv.). *Materials and Research on the Archaeology of the USSR.* No.65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. 1959. Pp.223-261. (in Russian)
Toleubaev A.T. *Rannesakskaia shiliktinskaia kultura.* Almaty: Sadvakasov A.K. Publ. 2018. 528 p. (in Russian)
Torezhanova N. O nekotorykh tipakh sereg srednevekovykh pamiatnikov Khorezma. *History of Material Culture of Uzbekistan.* Vol.31. Samarkand. 2000. Pp.204-206. (in Russian)
Fayzrakhmanov G. *Drevnie tiurki v Sibiri i Tsentralnoi Azii.* Kazan. 2000. 188 p. (in Russian)
Fedorov-Davydov G.A. Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. *Ocherki kultury i iskusstva narodov Evrazii-skikh stepei i zolotoordynskikh gorodov.* Moscow: Iskusstvo Publ. 1976. 228 p. (in Russian)
Khasenova B.M., Omarov G.K., Besetaev B.B., Khabdulina M.K. *S*otsialnaia simvolika predmetov torevtiki v kimakskom obshchestve: status muzhchiny-voina*. Oriental Studies.* 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1188-1209. (in Russian)

Information about the author

Lyailya R. Turganbayeva – Doctor of Architecture, Leading Researcher of the Margulan Institute of Archeology, Dostyk av., 44, 050010, Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0002-4214-7727, laila@safar.kz

Автор туралы мәлімет

Ләйлә Рымбекқызы Тұрғанбаева – архитектура докторы, А.Х. Марғұлан атындағы жетекші ғылыми қызметкері, Достық көш., 44, 050010, Алматы, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0002-4214-7727, laila@safar.kz

Сведения об авторах

Ляйля Рымбековна Турганбаева – доктор архитектуры, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, пр. Достык, 44, 050010, Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0000-0002-4214-7727, laila@safar.kz

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. ***Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.06.2026.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 25.08.2026.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2026.